

З усяго вышэйсказанага можна зрабіць выснову, што жывёльная рабінзанада з'яўляецца ёмістай мастацкай структурай, здольнай уключаць у сябе шырокі ідэйна-маральны сэнс. Гэты паджанр у беларускай літаратуры займае свае нацыянальны адметнасці: найперш сумяшчэнне грамадска-палітычнага і авантурна-прыгодніцкага пачаткаў, а таксама дапаўненне падрабязных рэалістычных карцін фантастычнымі элементамі. Менавіта гэтыя рысы ўласцівы абедзвюм жывёльным рабінзанадам – «Цкаванне вялікага звера» А. Наварыча і «Воўчая выспа» К. Цвірка.

### Літаратура

1 Наварыч, А. Рабкова ноч: аповесці, апавяданні / А. Наварыч. – Мінск: “Беларускі кнігазбор”, 1988. – 173 с.

2 Карпюк, А. Слова пра талент / А. Карпюк // Наварыч, А. Рабкова ноч: аповесці, апавяданні / А. Наварыч. – Мінск: “Беларускі кнігазбор”, 1988. – С. 3–4.

3 Барадулін, Р. “Каб араллёю пахлі аблокі...” / Р. Барадулін // Цвірка, К. Бацькаў свет палявы: выбр. вершы і паэмы / К. Цвірка. – Мінск: Маст. літ., 1994. – С. 5–14.

УДК 821. 161.1 – 14\*Б. Рыжий

*М. С. Борисенко*

### СЕМАНТИКА ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В ТВОРЧЕСТВЕ Б. Б. РЫЖЕГО (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ)

*В статье на примере одного стихотворения Б. Рыжего «Когда вонзают иглы в руки...» раскрывается семантическая насыщенность женских образов в творчестве российского поэта, функциональная активность которых дает ключ к расшифровке содержания лирического текста, позволяет определить идейный смысл произведения и органично связывает художественные искания русского автора с мировой культурой.*

Поэзия Бориса Рыжего в настоящее время только начинает серьезно и глубоко исследоваться в мировом литературоведческом пространстве. Причин тому несколько: имя поэта сейчас начинает принимать широкую известность, отношение к нему еще не получило однозначно классической признательности. Но главное: поэтический дискурс Рыжего при всей внешней простоте и доступности настолько содержателен, философски насыщен, что требует огромного, кропотливого исследовательского труда.

Поэзия Бориса Рыжего настолько значима и ценна, что и сегодня ей уже посвящено достаточно много исследований. О специфике художественных образов его поэзии опубликовано 14 достаточно веских научных работ уральского историка литературы Арсеновой Татьяной Анатольевной. В 2009 году в Екатеринбурге вышла в свет монография профессора Уральского университета Юрия Викторовича Казарина «Поэт Борис Рыжий». В 2015 году издательством «Молодая гвардия» в рамках малой серии биографий «Жизнь замечательных людей» издана книга поэта и эссеиста Ильи Зиновьевича Фаликова «Борис Рыжий. Дивий камень».

Литературоведы обращаются к разным граням яркой творческой индивидуальности поэта. Исследователь XX века Л. П. Быков в статье «Лица не пряча, сердца не тая» рассматривает особенности лирической образности творений поэта. Известный нидерландский писатель, переводчик и филолог-славист Кейс Верхейл в статье «Любовь остается» излагает свое понимание поэтики и творческой судьбы Бориса Рыжего, приводит

общечеловеческие факторы, обусловившие формирование уникального поэтического стиля. Статья использована в качестве вступительной к русско-голландскому сборнику Бориса Рыжего «Облака над гордом Е». На сходство поэтических миров Бориса Рыжего и Александра Блока обращают внимание Ю. В. Казарин, Д. Л. Быков. Лирический герой Бориса Рыжего в центре внимания С. М. Гандлевского, А. В. Иванова и других.

Цель нашего исследования – раскрыть полисемантичность женского образа в лирике Бориса Рыжего, взяв за основу исследования одно стихотворение поэта «Когда вонзают иглы в руки...».

Образ женщины всегда занимал особое место в русской и мировой литературе. Женская тема стала актуальной с того часа, как появилась первая женщина – Ева. Согласно христианским учениям, вначале бог создал человека – мужчину. Но что же такое женщина, кем она стала для мужчины? Какой видит женщину поэт Борис Рыжий, живущий в России в «лихие» 90-е годы XX века?

Стихотворение написано в 1997 году. Оно относится, по мнению Ю. В. Казарина, к третьему этапу поэтической судьбы Бориса Рыжего, когда он уже сформировал свой уникальный поэтический взгляд на мир. В этот период (1996–1998 гг.) поэтом вырабатывается установка на прозаизацию стиха, выраженную в таких категориях, как сюжет. В тексте имеются три фабулы: внешняя (заключается во внешней динамике событий), внутренняя (образ «романтического» героя) и глубинная (трагическая музыка света, любви, счастья, горя, пустоты, жизни, смерти, «воскрешения»). Лирический герой обычно предстает как хулиган, маргинал, «маленький человек». Особое внимание в этот период уделяется детали и конкретному хронологу: детства, юности, молодости, Свердловска, Вторчермета, Петербурга, Перми и проч. [2].

Первая строка стихотворения «*Когда вонзают иглы в руки*», ставшая заглавной, богата ассоциативными смыслами, которые уводят в глубины веков и отсылают читателя к библейскому контексту – сюжету распятия Христа на Голгофе. Образ распятого на кресте Иисуса представлен в болевой точке критической ситуации. «Иглы» подобны гвоздям, что вонзили в руки Христа. Они – экспрессивная деталь распятия, мучительной смертной казни. Вторая ассоциация возникает в связи с жестокими пытками, в которых под ногти загоняются иголки, причиняя тем самым ужасную боль жертве.

Одной строкой автору удается передать состояние лирического героя, ощущающего себя на пороге смертельной опасности. Лирический герой (автобиографический по сути) страдает. Но почему и для чего? Христос своими страданиями искупил грехи человечества. За какие грехи несет ответственность лирический герой Рыжего? Неужели все ограничено только личными бытовыми мотивами: «*очистив кровь от алкоголя, / кровь станет чистой навсегда*»?

Смысл произведения и происходящего значительно шире и глобальнее. Проясняют его женские образы. Библейский мотив, выразительно заявленный вначале, продолжает углубляться во второй строфе, где появляются образы «Сестрицы Лены, ангела Оли». На сестёр надеется герой, им уготована роль спасительниц страдающего брата.

Привязка героинь к биографической истории сразу придает лирическому произведению ту подкупающую искренность, которая столь ценна в стихотворениях Блока, Есенина. Чувства героя обретают еще большую веру, когда подтверждаются фактами личной жизни поэта, сближающими литературу и жизненную реальность.

В жизни Бориса Рыжего действительно были женщины, которые выполняли функцию ангелов-хранителей. Мать Маргарита Михайловна Рыжая (Раевская) имела дворянские корни, мужественно вынесла мучения плена. Ю. В. Казарин утверждает, что «...Борис с отрочества, с 13 лет, начал осознавать очевидную странность, необычность Пашковых, деревенско-дворянский, сельско-аристократический характер своих предков по материнской линии» [2, с. 23]. Сыну передалась материнская безграничная любовь к людям, стремление понять каждую отдельную личность.

Борис очень любил родителей. Его жена, Ирина Князева, вспоминала, что он, даже когда жил отдельно, почти каждый день старался навещать мать и отца: он «буквально жил их жизнью, разделял и переживал их болезни и невзгоды...» [2, с. 25]. Психологически значимо то, что Борис был младшим ребенком в семье. Сестра Елена на 13 лет старше брата, а Ольга – на 12. Борис испытывал нежную любовь к сёстрам. В семье не было конфликтов, все старались больше проводить время вместе. Сестра Лена в силу своего характера обходилась с Борисом мягче, Оля же, унаследовавшая волевой характер родителей, старалась быть с братом немного строже.

Переломным в формировании личности поэта был переезд семьи Рыжих из Челябинска в Свердловск. Они теперь поселились в четырехкомнатной квартире в окраинном районе города – Вторчермете. С этого момента «личное благополучное существование Бориса вступает в явное жестокое противоречие с бытованием и существованием окружающего его неблагополучного, враждебного и родного, чужого и всегда жалеемого большинства людей» [2, с. 43].

Представление о родственной, кровной близости составляет только часть семантики женского образа, придавая подлинную достоверность чувствам и мыслям лирического героя. Подспудно под бытовым слоем формируется глубинное содержание, продуцируемое мифологическим пластом поэтического содержания, вскрываемого в расшифровке семантики мифологем.

В анализе семантики лирического текста ориентиром для исследователя всегда являются ключевые слова. О роли ключевых слов говорил еще Александр Блок (один из любимых авторов Бориса Рыжего): «Всякое стихотворение – это покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды, из-за них и существует стихотворение» [4]. В данном тексте как ключевые выступают слова: существительные *сестры, иглы, кровь, агнец* и прилагательные *чистый и красный*.

Образное значение слова *кровь* раскрывается активизацией разных контекстов. Согласно словарю символов Д. Тресиддера, во многих культурных традициях кровь хранит в себе толику божественной энергии или же, в более общем смысле, дух личности. В христианской культуре в таинстве евхаристии вино для причащения символизирует кровь Спасителя. В «Словаре библейских образов» отмечается, что кровь представляет собой «символ человеческой жизни» [5].

В авторском стиле Бориса Рыжего кровь обретает дополнительные смыслы: после очищения кровь лирического героя должна стать *красной*. Красный цвет символизирует жизнь, любовь, радость, эмоции и движение. Кровь иного цвета – признак того, что в жизни героя отсутствует все, ассоциирующееся с красным цветом. Теперь становится понятным, что лирический герой хочет очиститься от какого-то конкретного греха. Оно сродни унынию. Уныние – состояние подавленности, апатии, при котором человек не заинтересован ни своим положением, ни другими людьми, ни окружающей действительностью. Человек испытывает бесконечную печаль и скуку, которые подавляют, разворачивают его, негативно влияют как на душевное, так и физическое здоровье.

В семантическом пространстве текста неожиданно появляется, привлекая внимание читателя, экспрессивная образная деталь «*красный рот*». Ее семантику можно толковать по-разному. Красный рот может быть признаком здоровья и красоты. Здесь считывается реминисценция из рассказа А. И. Куприна «Черный туман»: «...он был очень красив в эту пору; высокий, крепкий, с меланхолическими черными глазами и со смеющимися молодым, красным ртом под темными хохлацкими усами» [7]. Противоположный смысл обретает красный цвет в драке, когда о жестокости свидетельствует, например, разбитое лицо. Вытекающая из израненного тела кровь – знак разрушения структуры жизни. Кровь, пролитая в результате насилия, нарушает чистоту божественного творения. В христианстве кровь служит символом жертвы. Кровь Христа рассматривается не как «жертвенная кровь за грехи» [5].

Таким образом, в лирическом повествовании набирает силу мысль о готовности героя пройти свой мученический путь ради чего-то светлого, высшего, принести себя в жертву, снова возрадоваться жизни, несмотря претерпеваемые страдания. Он вновь готов видеть нечто хорошее в каждом проявлении человеческой жизни, вновь стремится понять и, главное, принять эту страну и окружающих его людей. Для этого ему, возможно, и приходится страдать и проливать собственную кровь.

Весьма значимо, что выразительно проясняет мысль автора семантика женских персонажей. Благодаря активизированным библейским смыслам, сестры поэта играют роль верных женщин-учениц, готовых разделить страдания лирического героя (а в реальной жизни и самого автора), оказать ему поддержку и не дать отступить перед испытаниями. Подобно женщинам-мироносицам – Богородице, Марфе, Марии Магдалине и другим – они могут стать первыми свидетелями поэтового воскресения.

Но в лирическом пространстве, изначально выстроенном на приеме антитезы, благим намерениям противостоит суровая действительность. Мир, где царят хищнические законы, стремится сломать все светлое в человеке. Образ реально существующей опасной перестроечной реальности не исчезает из произведения.

Отношение к действительности характеризует пронзительный авторский образ: *«идут рассерженные люди, несут по облаку в глазах»*. Облако, согласно «Словарю библейских образов», символизирует Божественное Откровение, само присутствие Бога, а также сокрытость Бога от человеческих глаз. Бог скрывает себя облаком, никто не может видеть Его. Например, евреи, получая десять заповедей, увидели и услышали *«громы, и молнии, и густое облако над горою»* [9, с. 72].

В амбивалентном лирическом содержании, в противоборстве разных чувств и мыслей до конца идет противостояние земного и небесного. Поэт знает силу каждого из них. Появление в сильной позиции концовки текста образа – *и улыбаясь, смотрит Руди и держит агнца на руках* – означает многое. Соединение с другими людьми и веру в будущее. Главное – агнец на руках человека. Агнец-ребенок – это проекция в будущее. Но вспомним, что когда Христос говорил об уязвимости своих учеников, то сравнивал их с агнцами, окруженными волками: *«Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков»* [6, с. 1100].

Синтезируя богатые поэтические смыслы в единое целое, читатель начинает ясно понимать мысль автора, видящего в абсолютно любом человеке частичку божественного. Поэт осознает и принимает слабость, беззащитность человека перед огромным и безжалостным миром. Он верит, что каждый человек в душе сохраняет нечто светлое, ведущее к спасению души. Автопсихологический лирический герой несет в себе тот внутренний свет, который определяет наличие частички божественной сущности в каждой личности, оставляет возможность покаяния, прощения, возрождения. Женщине и в современном мире отведена роль спасительницы.

## Литература

1 Библия. Первая книга Моисея. Бытие / Библия. – Москва : Российское Библейское общество, 1998. – 1375 с.

2 Казарин, Ю. В. Поэт Борис Рыжий / Ю. В. Казарин. – Москва; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. – 324 с.

3 Рыжий, Б. Б. Оправдание жизни / Б. Б. Рыжий. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 832 с.

4 Блок, А. А. Дневники [Электронный ресурс] / А. А. Блок. – Режим доступа : <http://silverage.ru/blokdnevnik/>. – Дата доступа : 19.04.2020.

5 Райкен Л. Словарь библейских символов [Электронный ресурс] / Л. Райкен, Д. Уилхойт, Т. Лонгман. – Режим доступа : <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/>. – Дата доступа : 21.04.2020.

6 Библия. Новый Завет. От Луки святое благовествование / Библия. – Москва : Российское Библейское общество, 1998. – 1375 с.

7 Куприн, А. И. Черный туман [Электронный ресурс] / А. И. Куприн. – Режим доступа : [http://az.lib.ru/k/kuprin\\_a\\_i/text\\_1740.shtml](http://az.lib.ru/k/kuprin_a_i/text_1740.shtml). – Дата доступа : 23.04.2020.

8 Библия. Новый Завет. Послание к Евреям / Библия. – Москва : Российское Библейское общество, 1998. – 1375 с.

9 Библия. Вторая книга Моисея. Исход / Библия. – Москва : Российское Библейское общество, 1998. – 1375 с.

УДК 811.161.1'367.622:811.161.3'367.622

*Д. А. Дробышевская*

### **О НЕКОТОРЫХ РАСХОЖДЕНИЯХ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ**

*В статье рассматривается типология различий в принадлежности к грамматической категории рода лексически соотносительных существительных русского и белорусского языков, которые обусловлены словообразовательной структурой слова. Описываются типы указанных межъязыковых соответствий в области отглагольных и отадъективных существительных. В некоторых случаях дается исторический комментарий к рассматриваемым различиям.*

По своим грамматическим свойствам все слова в русском языке принято разделять на классы, которые называют частями речи. Среди знаменательных слов имя существительное рассматривается как наиболее номинативная часть речи. Оно является ядром класса слов, включающих имена. Под категорию существительных подводятся слова, выражающие предметность и представляющие ее в формах рода, числа и падежа.

Все имена существительные в русском и белорусском языке, за исключением тех, которые употребляются только в форме множественного числа, принято разделять на три формальных класса, называемых грамматическими родами. Род – это несловоизменяемая синтагматически выявляемая морфологическая категория, которая выражается в способности существительного в формах единственного числа относиться избирательно к родовым формам согласуемой с ними или координируемой словоформы. Категория рода возникла на почве различия пола людей и животных. Первоначально к женскому роду относились слова, обозначающие лиц женского пола, а к мужскому – лиц мужского пола. Семантически категория рода отражает принадлежность живого существа к реальному полу. Морфологически род выражается системой окончаний падежных форм единственного числа. Кроме окончания, морфологическим показателем рода в обоих языках являются суффиксы. В обоих языках существуют суффиксы, характерные для существительных определённого рода. Категория рода является прежде всего грамматической, так как существуют формальные способы выражения рода. Семантические основания родовой классификации в современных языках размыты. Только в некоторых существительных можно заметить реальные отражения половых различий. «Это означает, что родовая соотносительность большинства имен существительных является результатом “договоренности” носителей языка, а сама категория рода может быть квалифицирована как категория незначительная, т. е. не опирающаяся на конкретные свойства денотата и экспонента денотата» [1, с. 8].